(Adagio consolante)

Драма в 1 действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рихард Вагнер — 36 лет.

Отто Эйслебеи, профессор — 55 лет.

Вероника, его дочь — молодая девушка.

Рамингер, юстиции советник — 35 лет.

Место — в доме Эйслебена в Иене 2. Время—19 мая 1849 года.

Гостиная в доме Эйслебена в Иене. Двери посередине, открытая дверь в сад, слева — входная, справа — во внутренние комнаты. Направо — фортепиано, налево, ближе к авансцене,— окно па улицу. Уютная бюргерская обстановка. Догорает майский день.

Вероника сидит у окна и шьет за маленьким рабочим столиком. Работа не спорится. Она часто опускает руки и смотрит на улицу или остается неподвижной, полная мечтательной грусти.

Вероника. Завтра последний день. Завтра я должна дать ему решительный ответ — и что я могу сказать, бедная, глупая девушка? Что я могу сказать господину советнику, такому блестящему, умному, важному... Сказать, что я люблю другого... признаться, что я люблю Ульриха, которого даже папа называет... вором. Господи, и подумать страшно... {Молчит.) И неужели он не вернется? Вот уже три месяца, как я жду его каждый день. Каждый вечер я гляжу на дорогу и жду

дилижанса из Веймара 3— весело трубит рожок и мчится большая карета,— сколько дверей отворяется ей навстречу!.. Но день проходит за днем, и карета мчится за каретой... а его все нет. Неужели завтра конец? Целый день меня преследует мысль, что сегодня что-то случится, что-то придет мне на помощь... ,

За окном звук трубы.

Боже мой, дилижанс! (Распахивает окно.) Нет... это солдаты... патруль. Да и почему он должен приехать сегодня — именно сегодня... (Грустно опускает голову.)

Эйслебен. (входит из правой двери, под мышкой у него газета, в руке другая). Вериночка, ты здесь? А знаешь, ведь я был прав: ходят слухи, что он вернется.

Вероника (быстро встает). Кто вернется? Ульрих? Да неужели!

Эйслебен. Э! Ульрих! Какой Ульрих? Э-э-э, какой там Ульрих — бездельник, пустая голова. Гагерн 4, Генрих Гагерн — президент парламента! О чем ты думаешь, не понимаю!

Вероника (печально). Президент парламента... в самом деле, папа?..

Эйслебен. О, он им всем покажет! Я иду,в кофейню. Должно быть газеты уже пол-учены. Это все Австрия — я всегда говорил 5. Почисти мне сюртук, дитя мое, кажется, я немного запачкался.

Вероника. Бог с вами, папа, где же вы перемазались!

Эйслебен. Э... Это, должно быть, в библиотеке, я пересматривал газеты за прошлый год... Спасибо, спасибо, дитя мое. Кажется, теперь ничего.

Вероника. И галстук совсем набок. (Завязывает ему бант.)

Эйслебен (целует дочь). Кто мне теперь будет завязывать галстук... некому будет смотреть за старым профессором... некому наливать ему кофе по утрам, некому причесывать его седую голову.

Вероника. Папочка!

Эйслебен. Такова жизнь. Когда ты будешь фрау советницей, забудешь о старом папочке. (Садится.) Вероника. Папа!

Эйслебен. Вчера советник Рамингер говорил мне, что завтра ты обещала дать ему решительный ответ. Знаешь, Вериночка, он, кажется, того... недоволен твоей... э-э-э... нерешительностью.

Вероника (ходит). Господи, и зачем он меня выбрал! Мало ему девушек в Иене.

Эйслебен. Да ведь он тебя любит, дочка. Господин Рамингер — юстиции советник, не сегодня-завтра президент суда, еще молодой человек, хорошей фамилии, известен при дворе,— что можно сказать против такого мужа? Я умру спокойно, если оставлю тебя его женой.

Вероника (ложал руки). Неужто он не вернется... никогда не вернется?

Эйслебен. Кто не вернется? Как, опять? Опять этот бездельник, этот, 1Й сИсКиг , негодяй, пустая голова!

Вероника. Папа! Не смейте так говорить! Он не негодяй!

Эйслебен. Но, дитя мое, ведь это пропащий человек — вор!

Вероника. Это неправда! Ульрих не может быть вором!

Эйслебен. Как неправда? Этот Ульрих Бишер —картежник, пьяница и даже пишет стихи! Дерзкий мальчишка, пустая голова, негодный студент! Еще на втором курсе украл пуделя у декана Римана!

Вероника. Папа!

Эйслебен. Наконец, нашел место в книжной торговле — его послали в Лейпциг 6 на ярмарку, дали ему две тысячи марок, а он спустил их в карты, да ещё продал книг на 900 марок и удрал за границу!

Вероника. Но я его любила... я его любила, папа...

Эйслебен. И притом его нет — удрал! Нет, дочка, если не хочешь советника, оставайся со мной, но не говори мне больше об этом... об этом бездельнике Ульрихе. Дочь профессора Эйслебена не может быть женой вора.

Вероника (подходит к окну и смотрит молча на улицу. Пауза. Тихо отходит от окна). Я решилась, папа. Я пойду за советника. (Садится справа у стола.)

Эйслебен. Ну и прекрасно, моя радость, ты у меня умная головка. (Целует ее.) Будешь советницей, а потом президентшей, а может быть, и придворной дамой. А то выдумала какого-то...

Вероника. Папа, я ведь сказала, что согласна!

Эйслебен. Ну, не волнуйся, Вериночка, я иду,

Вероника. Тише!.. Кажется, кто-то идет...

Из левой двери входит Рамингер, представительный господин* лет 35, прекрасно одетый, корректный и в меру надменный.

Эйслебен. А, господин советник! А знаете, в лейпциг-ской газете пишут, что Гагерн вернется!

Рамингер. Едва ли, едва ли. Фрейлейн Вероника... господин профессор. Не мог отказать себе в удовольствии зайти к вам по дороге в суд. Граф поручил мне председательство в сегодняшнем заседании, и я...

Все садятся.

Эйслебен. О! Должно быть, граф поехал в Веймар?

Рамингер. Да, нынче утром. Сегодня заседание во дворце. Совещание огромной важности. (Веско.) О мерах против революции. (Достает золотую табакерку.) Угодно?

Эйслебен (берет и нюхает). А!

Р а м и н г е р. Вы знаете, как его светлость ценит заслуги графа. (Веронике, с целью вовлечь ее в разговор.) О чем вы задумались, фрейлейн? Поэты утверждают, что мысли девушек подобны алмазам и перлам, скрытым в морской глубине. И правда, о чем может думать прелестная барышня в чудный майский вечер?

Вероника (вздрогнув). Простите, я задумалась.,. Вы не знаете, пришел уже дилижанс из Веймара?

Рамингер (слегка обидевшись). Право, не знаю, фрейлейн, я никогда не езжу в дилижансах.

Вероника (мечтательно). А между тем, а между тем, как прелестно звучит рожок почтальона в тихом вечернем воздухе... Сколько грусти, надежды и радости в этом коротком призыве! Рожок все трубит, и колеса стучат, а карета все ближе и ближе... Как замирает сердце, словно сама судьба стучится у наших дверей!.. Простите... я... (Умолкает смущенно.)

Эйслебен (поглядывая на дочь). Странные фантазии у этих девочек! Правда, я сам люблю рожок почтовой кареты, потому что она везет мне мою газету, и я тоже мечтаю о том, как я буду покуривать трубку и читать мою газету в кофейне. Кстати, что нового в газетах, советник? Читали вы уже вашу "Wochenblatt"7 из Франкфурта?8

Рамингер. Нет еще, ожидаю сегодня вечером.

Эйслебен. Увидите, Гагерн еще вернется! Этот Гребель9 просто шут, пустая голова. Над ним смеются в парламенте!

Рамингер. Слишком много смеются — как бы не плакать. Каждый день пишут о новых беспорядках в Бадене, Саксонии, Пфальце10, даже в Пруссии11—на Рейне12! Это все ваш Гагерн и его конституция. Подумаешь, хартия вольностей!

Эйслебен. Но ведь 28 государств приняло 13 эту конституцию!

Рамингер. Да, а пока Гагерн любовался глупой бумагой, либералы подымают округ за округом и раздувают революцию по всей стране. Слава богу, с ними хорошо расправились в Дрездене! Теперь они скопились возле Раштатта 14, но увидите — Пруссия достанет их и там!

Эйслебен. Пруссия не смела посылать войск за свои

границы, это нарушение мира Германии! — .

Рамингер. Стало быть, сидеть сложа руки и ждать, пока эти негодяи зажгут всю страну? Нет, саксонский урок не пройдет им даром В Дрездене все спокойно; король уже возвратился, главные негодяи расстреляны. Да, вот еще новость: оказывается, бунтовщики сожгли королевский театр в Дрездене. Пишут, что это дело рук какого-то капельмейстера Вагнера, который тоже участвовал в революции. К сожалению, негодяй бежал из Дрездена.

Эйслебен. Должно быть бездельник, пустая голова, не поладил с директором.

За окном слышен рожок дилижанса, играющий короткую мелодию, и стук колес, затем умолкающий.

Вероника (сидевшая в глубокой задумчивости, вскакивает в сильном волнении и подбегает к окну). Дилижанс, дилижанс! Подъехал к нашему дому. Остановился у наших дверей. Боже мой, неужели... (Распахивает окно.) Да, да кто-то сходит с той стороны. (Отходит от окна взволнованная.) Неужели Ульрих...

Эйслебен. Что такое, дочка? Кто там приехал, может быть, Вернедорф?

Вероника. Я... я не знаю, папа.

Звонок.

Звонок... Я сейчас упаду...

Эйслебен (встает). Где же Шарлотта? Должно быть, какое-то недоразумение.

Отворяется левая дверь, и быстрой, энергичной походкой входит Рихард Вагнер. Войдя, он оглядывает всех быстрым взглядом и кланяется.

Вероника (разочарованно). Ах... Кто это?

Вагнер. Вы профессор Отто Эйслебен? (Кланяется Веронике.) Фрейлейн...

Эйслебен (шаг вперед). К вашим услугам. Чему я э... обязан?

Вагнер. Я привез вам письмо от моего друга Франца Листа 15 из Веймара. (Достает из кармана письмо.) Вот.

Эйслебен. Письмо от господина Листа! А!.. (Разрывает конверт.) Душевно, душевно рад. Моя дочь Вероника и — юстиции советник Рамингер. Пожалуйста, прошу вас, садитесь. (Не читая письма.) Где же это мои, ut dicitur, очки. (Шарит по всем карманам.) Ну, что же, что господин Лист, как он поживает? Отличный, превосходный человек. Благодаря ему я мог напечатать мои... гм... скромные труды в герцогской типографии в Веймаре; и какое чудное издание, in quarto , я вам потом покажу. Что он поделывает в Веймаре?

Вагнер. Лист? Да ведь он капельмейстер Веймарского театра.

Э й с л е б е н. Ах да, капельмейстер — пустое занятие для такого прекрасного человека. Да, кстати о капельмейстерах, вы читали, что какой-то капельмейстер... э-э-э... как его фамилия, любезный советник?

Рамингер (с места, играя табакеркой). Рихард Вагнер.

Вагнер (вздрогнув, резко оборачивается). Что? Что вы сказали?

Эйслебен. Да, именно Вагнер. Какой-то бездельник Вагнер сжег королевский театр в' Дрездене. Должно быть, поссорился с директором.

Вагнер (гневно). Какая чепуха! Какой дурак вам это сказал?

Эйслебен. Как какой дурак — господин советник... (Смутившись.) То есть, конечно...

Рамингер встает.

Гм, гм, где же это мои очки? Ага, вот где они. (Надевает очки.) Господин советник.

Рамингер. Я ухожу, мне пора в суд.

Эйслебен. Одну минуту, я только прочту письмо. (Читает.) "Почтеннейший и дорогой господин Эйслебен. Помня Вашу сердечную доброту, обращаюсь к Вам с покорной просьбой. Письмо это передает Вам профессор Вертер из Берлина, который объяснит Вам, какого рода помощи мы от Вас' ожидаем. Горячо рекомендую Вам этого человека, моего друга и замечательнейшую личность в Германии. Примите уверение в неизменной преданности. Франц Лист". Очень рад познакомиться. (Жмет Вагнеру руку.) Рад служить вам, любезный коллега.

Рамингер беседует с Вероникой. Вагнер. Благодарю.

Эйслебен. Так вы из Берлина и, стало быть, из самых аванпостов науки. Профессор Вертер, позвольте, дайте вспомнить...

Вагнер (смущенный, оглядываясь на Рамингера). Собственно, я... не вполне профессор... сам я считаю себя только учеником. Дело в том...

Эйслебен. О, узнаю молодую скромность... А-а, вспомнил, вспомнил: профессор Вертер — историк гражданского права, как же, слышал! О, стало быть, вы вдвойне коллега. (Жмет ему руку, не давая опомниться.) Римский цивилист, как и я! Конечно, ученик Вальтера?

Вагнер. Да... конечно... Но только я хотел вам сказать...

Эйслебен (не слушая). Чрезвычайно интересно. Вы меня извините, но такой исключительный случай, и я не могу удержаться от соблазна предложить вам один вопрос. Этоменя давно интересует. Как вы смотрите, Вальтер, и вы у вас в Берлине, на новацию — tres mihi magnus Apollo,— разрешите мои сомнения. (Берет его за пуговицу.) Как по вашему мнению, стипуляция, которая приводит к обязательству, или отклоняет от него sponsor'a, будет новацией или нет? С кем вы согласны, с Гаем 16 или Сульпицием Руфом 17? И с другой стороны, погашает ли Аквилиева стипуляция все тяжбы сторон, или только данные? Важен здесь animus novandi или нет?

Вагнер (беспомощно оглядываясь). Это... это... конечно, весьма спорный вопрос. Эта... гм-гм... си-симуляцид.

Эйслебен. То есть стипуляция, вы хотите сказать?

Вагнер (раздражаясь). Ну да, конечно, я же говорю — стимуляция.

Эйслебен. Виноват, не стимуляция, а стипуляция. Вагнер (не выдержав, гневно). Да какое мне дело до этой стипуляции, будь она трижды проклята!

Эйслебен в ужасе.

Простите... (Проводит рукой по лбу.) Я немного устал с дороги.

Вероника (спешит на помощь). Как тебе не совестно, папа. Господин Вертер едва приехал, устал с дороги, а ты сейчас же пристал к нему со своей противной латынью. Не слушайте его, доктор, идемте лучше в столовую, я угощу вас кофеем.

Вагнер (целует руку Веронике). Благодарю вас, милая фрейлейн. Я действительно немного проголодался.

Рамингер. Мое почтение, фрейлейн, до завтра. (Кланяется.)

Вероника. До свидания, господин советник. Идемте же, доктор, вот сюда.

Вагнер. Благодарю.

Оба уходят— направо.

Эйслебен (стоит в немом изумлении, подняв кверху ладони).

Пауза.

Странный, ut dicitur, профессор. Называет стипуляцию симуляцией, да еще чертыхается. Гм!

Рамингер (со шляпой в руке). Да, чересчур странный. Боюсь, что тут действительно симуляция. Я бы на вашем месте заявил в полицию. По-моему, он такой же профессор, как я... капельмейстер. Совершенно подозрительный субъект.

Эйслебен (в испуге). Что вы говорите, советник! Друг Франца Листа!

Рамингер. Я уверен, что это какой-нибудь агитатор — бунтовщик из Саксонии или Раштатта, приехавший поднимать рабочих. Увидите, я его поймаю. Ну, мне пора. Прощайте. До завтра!

Эйслебен. Прощайте, советник. Да, могу вам сообщить (оглядывается) по секрету, что Вероника... она согласна, дорогой советник.

Рамингер (жмет ему руку). Буду счастлив услышать это завтра от самой фрейлейн Вероники. До завтра. (Уходит.)

Эйслебен (один). Советник чересчур подозрителен. Хотя, действительно, странный... гм... профессор. (Достает письмо.) "Горячо рекомендую Вам этого человека, моего друга и замечательнейшую личность в Германии". За-ме-ча-тельнейшая личность в Германии! (Прячет письмо.) И все-таки, зачем чертыхаться?

Входят Вероника и Вагнер.

Вероника (живо). Папочка, ты один? (Оглядывается.) Можете говорить, мейстер советник уже ушел. Папа, оказывается, это Рихард Вагнер, композитор, автор "Тангейзера" и других опер. Подумай, какое совпадение. Только он и не думал жечь театра. Это все газеты наврали.

Эйслебен от изумления садится.

Эйслебен. Как Рихард Вагнер? Так вы не профессор Вертер? Вот так стипуляция, х1 сИскиг.

Вагнер. Простите меня, профессор. Давая вам письмо Листа, я должен был сейчас же сказать свое настоящее имя, но ваши слова о Вагнере, поджигателе театров, а главное присутствие этого советника помешдли мне это сделать. Конечно, я никогда не изучал римского

права. Я музыкант и поэт, а теперь я ^беглец и изгнанник. Прошу у вас помощи и приюта.

Эйслебен (вставая, с достоинством). Кто бы вы ни были, но если вы просите крова и защиты — я и мой дом к вашим услугам. (Протягивает ему руку, которую Вагнер жмет.) Вы мой гость — этим все сказано.

Вероника (радостно). Видите, мейстер, я вам говорила.

Вагнер. Франц Лист был прав. Узнаю вас в этом ответе. Но все-таки я должен рассказать вам о себе, чтобы вы знали, кого приютили. Лист — музыкант, как и я, но вы, вы должны знать, что я политический беглец и даже революционер.

Эйслебен (садится). Революционер! Так и есть! Советник был прав!

Вагнер (садится). Да, революционер. (Воодушевляясь.) Когда саксонский король распустил парламент, когда черные дапы тиранов протянулись к германской свободе, я вместе с другими схватил ружье, чтобы защищать нашу единую конституцию, нашу великую хартию вольностей, которую лучшие сыны народа создали с таким трудом в великий год пробуждения.

Эйслебен (подпрыгивая на стуле). Верно! Лучшие сыны народа! И Гагерн впереди всех!

Вагнер. Сначала мы взяли верх. Но потом пришли пруссаки, и мы не могли устоять. Пруссия совершила подлое Дело. Она нарушила мир Германии, она наступила солдатским сапогом на святое дело свободы.

Эйслебен (в сторону). Верно! Верно! Я всегда это говорил. И Генрих Гагерн тоже! Вашу руку, доктор!

Йероника (смеясь). Папа, да ты и сам революционер!

Эйслебен. Да! Если революция подымает меч за свободу... тогда и я... революционер. Да! И я!

В а г н е р. И вы, и все лучшие немцы, доктор! Да, но началась жестокая расправа, и, спасая свою голову, я должен был бежать из Дрездена. Долго бродил я усталый, голодный, без вещей, без копейки денег, пока не добрался до саксонской границы, мимо патрулей, которым едва не попался. В Хемнице 18 я нашел моих родственников... но родственники не приняли изгнанника...

Вероника. Сколько вы перенесли, мейстер!

Вагнер. Наконец, я добрался до Веймара и здесь у моего друга Франца Листа в первый раз вздохнул полной грудью... Там, в прохладных аллеях парка и тихих коридорах театра, все дышало искусством и старой немецкой поэзией. Здесь меня знали как поэта, и мой любимый "Тангейзер" 19 шел на этом славном театре. Я уже начял думать о будущем... как вдруг (с горечью) вчера, как раз по время репетиции "Тан-гейзера" пришел из Дрездена приказ о моем аресте...

Вероника. Господи!

Эйслебен. Да, longas regibus esse manus — у царей длинные руки.

Вагнер. Да, и эти руки достали меня в Веймаре... И вот я снова беглец. Бросив милый город и милый театр, бросив Тангейзера и свою дирижерскую палочку я снова бежал, не смея больше ступить на немецкую землю. Я должен бежать за границу... в Париж... бежать, унося на сапогах пыль немецкой земли, а в сердце — милые немецкие саги, родную немецкую печаль... О, вы, дорогие мечты... Мечты лесов и полей, мечты звезд и луны, вечерние мечты о'деревенском колоколе, который звонит сигнал гасить огни, о милой немецкой девушке, которая улыбается так нежно, с такой материнской лаской. (Целует руку Веронике, низко склонив голову. Потом подымает ее с новой энергией.)

Вероника. Вы вернетесь, вы вернетесь, мейстер. Вы вернетесь знаменитым, признанным всей Германией.

Вагнер (убежденно). Да, я вернусь! Но пока я изгнанник. И вот о чем я прошу вас, профессор. Мне нужно скрыться на несколько дней,— Лист говорил мне, что у вас есть родственник Вернедорф в имении около Иены.

Эйслебен. Ну, конечно, Вернедорф — брат моей жены.

Вагнер. Так вот помогите мне пробраться к нему и прожить там несколько дней, пока мои друзья достанут мне денег и паспорт.

Вероника. Ну, конечно, чего лучше — у дяди целая усадьба.

Эйслебен. Превосходный случай! .Как раз сегодня приехал в город приказчик Вернедорфа Миллер. Завтра-он поедет обратно и может взять вас с собой. Я напишу Верне-дорфу, а в воскресение, приеду сам. А завтра не могу — лекции.

Вагнер. Благодарю вас от всего сердца.

Эйслебен. Я сегодня пойду и разыщу этого Миллера. Он обыкновенно пропадает в трактире "Золотого Гуся", там и его лошади. Бездельник, пустая голова. А потом поужинаем, выпьем бутылочку, другую, а завтра и в путь. Ну, а пока до свидания,, посидите с дочкой, она вам п-оиграет на фортепиано. Да, что-то хотел вас спросить, все время думал, ну, ничего, потом вспомню. До свидания. (Уходит налево и сейчас оюе возвращается.) Чья это собака в передней? Какой-то щенок.

Вагнер (быстро). Ах, простите! Я совсем позабыл, это моя собака. (Бежит в переднюю и возвращается со ьирнком.) Должно быть, он заснул, бедняга.

Вероника. Ах, какой несчастный щеночек! Где это вы взяли, мейстер?

Вагнер. На последней станции перед Иеной. Он валялся в пыли на дороге и пищал так жалобно и смотрел такими человечьими глазами... Я не мог удержаться.

Вероника. Боже мой, мейстер! Где же вам с ним возиться, когда... ведь вы...

Вагнер (смеясь). Сам не знаю, где преклонить голову... Правда, фрейлейн, глупо, — я сам теперь вижу.-Посмотрите, какой он несчастный, фрейлейн.

Вероника. Бедный, он ничего не ел; смотрите, какие смешные лапы. Папа, я возьму его себе, хорошо? Я сейчас дам ему молока, бедняжке. (Уходит.)

Вагнер. Что за милая девушка ваша дочь, профессор! Эйслебен (задумавшись). А-а... Э-э... А, вспомнил. Все время— думал и забыл. .

Вероника вернулась и села.

Эйслебен. Так это не вы сожгли театр в Дрездене?

Вагнер (смеясь). Нет, любезный профессор, это глупая ложь. Рихард Вагнер не сжег еще ни одного театра, хотя многие и заслуживали этого. Да, посмотрите, во что обратились жалкие подмостки театров. В честь каких кумиров зажигаются каждый день огни их рампы? (Увлекаясь.) Каждый вечер загорается тысяча ламп, и нарядная, праздная толпа спешит на эту ярмарку суеты, где дамы показывают свои туалеты, а сытые буржуа переваривают свой обед под звуки сладострастной музыки. Каждый день новая пьеса, каждый вечер открывается касса, и святость искусства измеряется суммой выручки. А бедный поэт — если

только его пустили в это капище Моды — рвет на себе волосы, видя, как плоды его заветных дум кромсаются с двух репетиций равнодушной толпой актеров. А между тем, а между тем, театр был великим. Было время-, когда театр был радостным храмом, где благоговейная толпа внимала высокому пафосу, где глубокий энтузиазм потрясал в унисон все сердца, все сердца целого народа. И народ уходил обновленным. Гордая муза трагедии увлекала народ .на вершины человеческого духа, а не бросала искусство в грязь под ноги сытым мещанам, как наш развращенный театр. Т.о. был великий театр древней Греции.

Эйслебен. Верно, прекрасно, доктор!

Вероника. А Шиллер? а театр Шекспира?21

Вагнер (горячо). И они зажигали свой жертвенник не в храме, а в том же капище Моды. А музыка, музыка, которая должна была отдать свои чары на служение великому пафосу Драмы? Во что обратилась опера, это слияние всех искусств — живописи, музыка, драмы? Вместо дивной гармонии, в угоду праздным мещанам создается нелепая смесь из дурацких слов, балета и чуждой сюжету музыки.

Эйслебен. Верно. Я всегда говорил, если слова слишком глупы, чтобы ^их говорить,— их поют.

В.агнер. Конечно. Глупые стихи и совершенно посторонняя музыка. Да, доктор, буржуазия и капитализм, роскошь и праздная мода отвратили искусство от служения высоким идеалам. И вот эти театры, доктор, право, их стоит сжечь.

Эйслебен. Сжечь недолго, труднее построить. Вагнер. О! Я построю театр. (Вдохновенно.) Я построю театр, и он будет храмом искусства. Где-нибудь в тихом

городе, вдали от житейской суеты, на отлогом холме высится прекрасное здание. Празднично настроенная толпа вливается в широкие двери и сразу умолкает очарованная и смущенная... Тихий сумрак высокого зала, похожий, на сумрак храма... Стройные колонны тянутся поперек рядов и сходятся в глубине, а там... словно греза другого мира вспыхивает .сияющая сцепа. И вдруг откуда-то сверху возникает чарующая музыка... звуки растут и ширятся, они поднимаются, словно волны из глубины океана, они наполняют весь зал, и кажется, что все вокруг пронизано и звучит этой растущей и бесконечной мелодией... И когда подымается далекий занавес, .никто уже не помнит, когда он покинул жизнь и окунулся в волшебную сказку...

Пауза. Стемнело. Тихий майский вечер. Молодой месяц бросает через

комнату бледные свои лучи. Вероника и профессор задумались, покорные вдохновенным рассказом. Наконец Эйслебен встает.

Вераника. Боже... и ведь это возможно!

Эйслебен (встал). Да, вы хорошо рассказываете, доктор. Ну, а все-таки мне пора. А то еще этот Миллер куда-нибудь закатится на ноч*>. Смотри же, Вериночка, позаботься об ужине. До свидания. (Уходит.)

Вероника. Какое счастье быть поэтом... чувствовать так живо... творить.

Вагнер. Да, фрейлейн, это большое счастье. Если бы вы знали, какую силу дает мне вера в искусство, вера в мой идеи. Я уже не молод, послезавтра мне стукнет 36 лет. Сколько страданий, обид, жестоких ударов судьбы испытал я за эти годы. Всю жизнь я зарабатывал хлеб самым тяжелым трудом, сколько раз сидел без гроша в кармане, сколько раз скитался по свету. И вот теперь, когда пора бы зажить спокойно, я снова беглец и скиталец, без денег, без друзей, без места...

А между тем (берет ее руки), а между тем, я испытываю такое блаженное чувство, когда подумаю, что я ушел из этого мира, где я постоянно горел в огне напрасных желаний, что я, наконец, порвал все надежды, которые связывали меня тысячей унизительных пут. Фрейлейн, я не знаю, где завтра преклоню мою голову, но я свободен и счастлив, и эту радость дает мне мое искусство.

Вероника. Мейстер, милый мейстер. (Зажигает две свечи на фортепиано.) Расскажите еще0 об этом театре, о вашем театре, мейстер!

Вагнер. О моем театре... (Проводит рукой по лбу.) Зачем вы зажгли эти свечи, фрейлейн... они снова напомнили мне об этом мире, который я покинул сегодня. Фрейлейн, сегодня в Веймаре идет мой "Тангейзер"... (Мечтательно.)

Сейчас, в эту самую минуту, такие же две свечи зажглись на моем пульте, и моя палочка лежит на развернутой партитуре... В театре еще темно, и только в оркестре мелькают одинокие свечи. Тихо и нежно прозвучал кларнет... отозвался гобой... откликнулась флейта... скрипка запела так страстно, но резко вмешались трубы... и все ожило и задвигалось в нестройном хаосе звуков... И вдруг чудесная мелодия покрывает весь шум, как крик о свободе и славе... Вспыхнула рампа... все умолкло. (Властной походкой подходит к пульту фортепиано и коротко стучит линейкой по пульту, в позе дирижера.) Увертюра "Тангейзера". (Подымает линейку, потом швыряет ее на фортепиано и садится на стул, закрыв глаза рукой.)

Веронику (кладет ему руку на плечо). Мейстер, расскажите о Тангейзере.

Вагнер (подымает голову, лицо его проясняется). Хорошо. Слушайте. (Придвигается к фортепиано и берет несколько мастерских аккордов.) Фрейлейн, среди чудесных сказок Германии есть дивная легенда о

рыцаре Тангейзере. Я написал драму на этот сюжет, а к этой драме музыку. Фрейлейн, вы знаете, что в зеленой Тюрингии , недалеко отсюда, высится великолепный замок Вартбург23. В этом замке в XIII веке много раз собирались певцы — поэты Германии. Недалеко от замка виднеется гора Герзельберг — это грот Венеры. Туда удалилась прекрасная богиня, когда христианство прогнало ее с лица земли. Рыцарь Тангейзер, знаменитый певец, был увлечен Венерой в ее волшебный грот, и вот уже три года живет у богини любви... Прежде, чем вы увидите рыцаря у ног прекрасной богини, вы угадаете смысл драмы в звуках е,е увертюры... (Играет увертюру "Тангейзера".)

Но слушайте дальше. Итак, Тангейзер третий год живет в гроте Венеры. Когда начинается драма, он дремлет у ног богини,— ему приснилась земля, которой он так давно не видел. И вот, он умоляет Венеру отпустить его — "радости не насытили моей души, я жажду борьбы и страдания — колючих терний я ищу на место нежной розы... Сжалься, отпусти меня, богиня". Венера в отчаянии и гневе. Но напрасны ее мольбы и проклятья. (Вагнер встает.) У неудержимом порыве к свободе он встает и произносит имя Марии 24. И в ту же минуту исчезает все — и грот, и сама Венера. Над ним голубое небо, прелестная долина вокруг. Вдали виднеется Вартбург... Пастушок, сидя на утесе, наигрывает нежную песенку... Издали слышится пение странников, идущих сверху из замка. Тангейзер охвачен восторгом... Как прекрасна свобода и это голубое небо...

И вот перед вами Вартбург, великолепная зала певцов. Сколько солнца и ясного блеска в этом чертоге искусства. Радостная, взволнованная входит, почти вбегает Елизавета — принцесса этой сказочной залы. Сердце ее полно невыразимым счастьем. Он снова здесь — ее певец и рыцарь,— в радостном порыве она простирает руки, приветствуя милую залу, где столько раз ее сердце отзывалось на дивные песни. Входит Тангейзер и падает к ногам принцессы. Трогательно чистая, она не может скрыть своей радости. "Спасибо вам, что наконец вернулись,— где были вы так долго?"

Вероника (взволнованная, берет руки Вагнера). Боже, как это прекрасно, мейстер... Да, да, броситься к нему навстречу и упасть в изнеможении в кресло... И когда он сам упадет на колени перед тобой, взять его голову в руки и гладить его волосы, и плакать, и смеяться от счастья. Да, для этого мига стоит жить и страдать.

Вагнер. Да, фрейлейн, стоит, и если вы устали ждать, не забывайте радости встречи.

Вероника. Вы вернули мне жизнь, говорите же, говорите дальше.

Вагнер. Тангейзер уходит, сейчас начнется праздник — торжество состязания певцов. Входит Ландграф и начинается съезд гостей. Теперь вообразите себе этот изумительный зал, эти арки и двойные колонны, эти голубые ковры и белый мрамор стен, и византийское золото сводов. Вообразите великолепного Ландграфа .и нежную Елизавету на троне, и важных певцов в их туниках, и пажей с арфами певцов, и весь этот сверкающий поток золота, бархата и шелка, беспрерывно идущих гостей. Это и будет "шествие гостей на Вартбурге" под звуки вот этого марша. (Играет № 7 марш и хор IV явления.) Но вот все заняли свои места, и Ландграф (он встает) объявляет тему состязания. Эта тема — "сущность любви". Один за другим встают певцы и славят чистую, неземную любовь. Можете судить, как эта холодная добродетель задевает Тангейзера, который весь еще полон жгучими воспоминаниями о ласках самой богини любви... "Что знаете вы о любви, несчастные безумцы!" — и, совершенно потеряв голову, он начинает петь в этом благочестивом собрании свой горячий гимн Венере. ^Какая буря негодования подымается в зале! Теперь понятно, где пропадал он так долго. Проклятие, гибель преступнику. И вот десятки мечей занесены над Тангейзером, но— Елизавета бросается вперед и защищает его своей грудью. Рыцари опускают мечи, а потрясенный Тангейз.ер склоняется перед Елизаветой. Неужели для того искал он колючих терний, чтобы, вонзить их в сердце этой великодушной девушки, не побоявшейся сознаться в любви к отверженному всеми грешнику?..

Вероника. Она не побоялась... она не побоялась сознаться... перед лицом всех... а я... уступила так легко, так позорно.

Вагнер. И вот он идет в Рим, чтобы найти там прощенье. Скоро минет полгода с тех пор, как он ушел. Перед нами снова долина. Вдали виднеется Вартбург... догорает осенний день. На краю дороги, перед образом мадонны склонилась Елизавета. С грустью смотрит Вольфрам на бедную девушку "и дни и ночи все о нем тоскует — и каждый день выходит на дорогу... здесь ждет она паломников из Рима — пришла пора,— их возвращенье близко".

Вероника (со слезами беря его руку). Да, дни и ночи тосковать о нем и каждый день глядеть на дорогу и ждать, и плакать...

Вагнер (нежно). Плачьте, страдайте во имя любви, в этом счастье женщины, фрейлейн.

Вероника. Говорите же, я слушаю, мейстер.

Вагнер. И вот сначала издали, а потом все ближе и ближе слышится пение странников — это пилигримы возвращаются из Рима... Все ближе и ближе... вот они проходят мимо нее... В невыразимом волнении она склонилась вперед, в длинной веренице всадников она ищет того, по ком исчахло ее сердце.

Вероника (в сильном волнении). Но один за другим проходяФ чужие люди, а его все нет и нет — он не вернулся... он не вернулся.

Вагнер. Странники ушли, заходит солнце... Тихо подымается она вверх по скалистой тропинке, все выше и выше мелькает ее белый образ... Нежным движением руки она посылает Вольфраму свой прощальный привет, и Вольфрам понимает, что земной ее путь окончен. И вдруг появляется Тангейзер... бледный, истомленный, в изодранной одежде странника. Шатаясь, он подходит к Вольфраму и падает на

скамью. И вот с бесконечной тоской рассказывает он ему о своем путешествии. С какой святой надеждой, с какой глубокой верой пошел он тогда в Рим. Пешком, с израненными ногами, терпя и зной, и голод, прошел он весь далекий путь, чтобы осушить слезы Елизаветы. И что же, тысячи паломников получили прощенье, но когда подошел он, папа 25 прогнал его и проклял: "Скорее мой посох расцветет и покроется зеленью, чем ты получишь прощение". Так вот награда за его молитвы: в раскаянии, с раскрытою душою он ждал любви и чуда, и прощенья — ив ответ проклятье. Вот каково милосердие бога! Теперь его душа полна презреньем ко всему святому. Да, теперь он знает, куда ему идти. Напрасно Воль фрам хватает его за руки. "К тебе, Венера, возвратиться, к восторгам пламенных ночей..." С какой тоской он жалуется своей богине: "Ты слышишь, люди меня прокляли, ты одна меня успокоишь". И вот раскрывается грот богини, вот и она сама, освещенная розовым светом, призывает своего рыцаря. Тангейзер бросается к ней, вырываясь из рук Вольфрама. "Безумец,— кричит Вольфрам,— здесь Елизавета за тебя молилась!" Тангейзер останавливается, потрясенный. С кри ком исчезает Венера. И вдруг из глубины долины доносится погребальное пение. Это процессия с гробом Елизаветы тихо спускается из замка. Она умерла, чтобы там, на небе, вымолить ему прощенье. С криком бросается Тангейзер к ее телу... и падает мертвый. (Садится к фортепиано.) Да, умирает измученный странник, умирает у ног той, чья великая любовь искупила его мятежную душу. А между тем новая весть спешит из далекого Рима папский посох расцвел и пустил ростки. Потрясенные склоняются все над мятежным рыцарем и его святой невестой. Восходит солнце и навстречу его лучам подымается к небу широкая песнь искупления.. Искупленье мятежной душе...

Он играет заключительное "maestoso" оперы "Der gnade". Вероника тихо плачет, закрыв лицо руками. Пауза.

Вероника подходит к Вагнеру и в порыве горячего чувства берет и целует

его руку.

Вагнер (смущенный). Фрейлейн, эти слезы дороже для меня всех венков в мире. И все-таки мне больно, что я заставил вас плакать. (Целует ее в лоб.) Я растравил вашу рану, фрейлейн... этой песней изгнанника Вагнера.

Вероника (просветленная). Это песнь утешения, мейстер. Вы вернули мне душу, вы вернули мне жизнь и страданье. Мейстер, я не могла бороться, теперь я знаю, на что способна любовь. Я буду ждать его, мейстер, я не пойду за советника, это сделали вы вашим чудным искусством. (Жмет его руки.)

Вагнер. Верьте слову поэта, фрейлейн, вы еще узнаете радость.

Вероника. Как легко на душе! Какое счастье верить и жить для этой радости встречи. Кто-то подъехал, должно быть, это папа. (Подбегает к балкону.) Да, лошади въехали во двор.

Эйслебен (быстро входит). Ну, любезный доктор, я все устроил — ф-ф.. еле нашел этого Миллера. Оказывается, он в другом трактире и уже собирался уезжать. И знаете, доктор, я думаю, и вам лучше поехать сегодня. Докуда Миллер запрягал лошадей, я зашел в кофейню... можете себе представить, получена франкфуртская газета с приказом о вашем аресте. Так и написано: Рихард Вагнер — неблагонадежная личность, лоб открытый, нос закрытый, волосы средние и прочие apices juris *, судейские, ut dicitur, скорпионы. Поезжайте, доктор, дорога отличная, езды всего час.

Вагнер. Да, нужно ехать. Спасибо вам, доктор, за ваши хлопоты. (Жмет ему руку.) Нужно сноза брать посох странника. Мне кажется, что, прощаясь с вами, я прощаюсь с милой немецкой землей. Нелегко быть изгнанником, доктор...

Вероника. Вы вернетесь, вы вернетесь, мейстер! Теперь я знаю, что вы вернетесь знаменитым, гордостью нашей родины!

Эйслебен. Grata superveniet, quae non sperabitur hora — неожиданно явится счастливый час... Мне самому жалко с вами прощаться, хотя вы и не знаете, что такое стипуляция. Да, письмо я написал в кофейне. Отдадите Вернедорфу, он человек верный, у него вас никакая собака не сыщет. Это не то, что в городе. А послезавтра я и сам приеду.

Вагнер (берет письмо). Еще раз спасибо.

Эйслебен. Вериночка, ты так и не угостила доктора.

Вероника. О, папа, мейстер рассказал мне такую дивную драму!

Эйслебен. Ну, значит, ты не Марфа, а Мария26. А так как другой дочки у меня нет, поди-ка принеси нам бутылочку вина. Выпьем на дорогу, доктор. (Садится.)

Вероника убегает.

У Вернедорфа вам будет отлично — дом, флигель, парк — целое владенье.

Вероника приносит вино и два стакана.

Эйслебен (наливая вино). За ваше возвращение, доктор. Дай бог, чтобы солнце свободы, за которую вы сражались, взошло, наконец, над пашей несчастной родиной.. За наш парламент, за права человека, за великую хартию вольностей!

Вагнер (пьет). И за свободное искусство в свободной стране.

Слышится фырканье лошадей и виден свет за балконной дверью. Э й с л е б е н. А вот и Миллер с лошадьми. Еще стаканчик, доктор.

Вероника. Уже... Как грустно прощаться, мейстер! Голос из сада. Лошади готовы, профессор.

* Юридичні прикмети (лат.).— Ред.

За открытой дверью тихая ночь. Топот и фырканье лошадей. Мелькающий

свет фонаря.

Вагнер (вставая со стаканом в руке). О, милое немец кое вино, вино берегов Рейна! И ты, учитель мой, Рейн. Увижу ли снова скалы твоих берегов, но и там, на чужой стороне, сказки твоих дочерей всегда будут жить в моей душе. Чудесные сказки родины. О золоте Рейна, о хитрых гномах27, о верной до смерти Брунгильде28. (Ставит стакан, выпив вино.) Прощай, моя родина... и мирный немецкий очаг, и старый немецкий профессор, и милая девушка, шлю вам прощальный привет скитальца. Да, фрейлейн, я благословлю в вашем лице лучший цветок немецкой ' земли — прекрасную, верную до смерти девушку. (Берет ее руку.)

Вероника. Да, до смерти, мейстер!

Внезапно из темной двери сада появляется и поспешно входит Р а м и и г е р;

он в черном плаще.

Вероника. Ах, боже мой, это советник! Эйслебен. Господин советник?

Рамингер (сделав два шага, окидывает окружающих быстрым взглядом). Прошу прощенья, профессор, я хотел •переговорить с вами по весьма (смотрит на Вагнера) серьезному делу. Я вижу, что вы еще не

ложились, а между тем (достает из-под плаща газету) дело не терпит отлагательства. Фрейлейн, прошу прощенья.

Эйслебен. К вашим услугам, господин советник. Я только провожу доктора Ваг... Вертера.

Рамингер. А, господин Вертер уже уезжает? Но, может быть, это дело заинтересует и господина Вертера? (Быстро Вагнеру.) Давно вы из Дрездена, доктор?

Вероника (не может сдержать восклицания). Ах!

Вагнер. Это не ваше дело, советник!

Рамингер. Жаль. Я бы вас спросил, не знали ли вы некоего капельмейстера по имени Рихарда Вагнера. Сейчас получен приказ об его аресте. А в сегодняшней газете напечатаны его приметы — вы позволите, профессор, помните, мы как раз говорили?..

Эйслебен. Эм-м... но право, дорогой советник, доктор так спешит.

Рамингер. Одну минуту. (Читает, бросая взгляды на Вагнера.) "Настоящим предписывается всем судебным местам и лицам в государствах Германского Союза немедленно по получении сего арестовать личность неблагонадежную в политическом отношении по имени Рихард Вагнер. Возраст 37—38 лет, рост средний, волосы русые, лоб открытый, брови русые, глаза серо-голубые, нос и рот умеренные, подбородок круглый, лицо выбритое, носит очки. Речь и движения порывистые. Одежда — сюртук черный,, брюки серые" и так далее. (Складывает газету.) Я полагаю, профессор, что вы извините меня, если я попрошу господина (подчеркивая) Вертера отправиться с нами в ратушу.

Эйслебен. Извините меня, любезный советник, я совершенно не вправе задерживать доктора Вертера — моего гостя. Идемте, доктор.

Вагнер (берет руки Вероники и Эйслебена). Я сохраню вас всегда в моем сердце. Прощайте, фрейлейн. (Целует ей руку.) Берегите мою собачку.

Быстро уходят с Эйслебеном в среднюю дверь. Рамингер бросается за ними, но Вероника становится между ним и дверью с гордым и решительным видом.

Вероника. Остановитесь. Вы у нас в доме, советник.

Рамингер (сдерживая гнев). Пустите меня, фрейлейн. Я должностное лицо. Стыдно немецкой девушке защищать бунтовщика. Пустите! (Хватает ее за руку.)

Вероника (вырывая руку, с достоинством). Да, немецкая девушка не запятнает чести немецкого дома! Она не выдаст гостя шпиону!

Слышен шум отъехавшего экипажа.

Рамингер. А! В самом деле. (С сарказмом.) Благодарю за откровенность, фрейлейн. Какое счастье, что я узнал вас... раньше завтрашнего дня!

Вероника. Небольшое счастье, советник, потому что и завтра вы бы услышали то же самое, разве в других словах.

Входит Эйслебен и смотрит на присутствующих.

Эйслебен. Извините, любезный советник, теперь я к вашим услугам.

Рамингер. Много чести, господин Эйслебен! Надеюсь, что мне никогда не понадобятся ваши услуги! Напротив, вам не мешало бы помнить, что, состоя на службе его светлости, неприлично укрывать бунтовщиков. Прощайте. Советую вам лучше смотреть за вашей дочерью. (Идет к двери.) О ней и так уже ходят рассказы.

Эйслебен. Что такое? Что вы сказали? (В ярости.) Негодяй! Ты посмел оскорбить меня, старика, в моем собственном доме, но я простил бы это. Но ты посмел оскорбить мою дочь, мое единственное сокровище, а я же, безумец, хотел отдать ее тебе. Вон из моего дома, негодяй, подлый судейский крючок! Я тебя вызываю... я... (Задыхаясь, падает в кресло.)

Рамингер быстро уходит.

Вероника (опускается перед,ним на колени и целует руку). Полно, успокойся, папочка, все к лучшему... ты же знаешь, м-илый, что я его никогда не любила... И какое счастье, что мы его узнали теперь...

Эйслебен. Негодяй, мерзавец, пустая голова! Я его застрелю... Вериночка, милое мое дитя.

Вероника. Все к лучшему, папочка... Я по-прежнему буду наливать тебе кофе по утрам и причесывать твою милую голову... и завязывать галстук, как прежде. Но папа, мейстер вернул мне душу, и если я выйду замуж, то только за того, кого люблю.

Эйслебен (бормочет). Опять Ульрих, бездельник, пустая голо... Впрочем, тебе лучше знать, Вериночка.

Вероника. Если даже он сбился с пути, моя любовь исцелит его душу. Какое счастье, какое великое счастье жить и страдать для этой радости встречи! Да, дни и ночи тосковать о нем, и ждать, и верить, и глядеть туда, в синеющую даль, откуда будет радость.

Эйслебен. Аминь! Grata superveniet, quae non sperabi-tur hora. Нежданно явится счастливый час.

Занавес.